

УДК 811.161.1-112:811.163.1

**ТРОИЦКИЙ СБОРНИК XII – XIII вв.
КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК***О.С. Паймина***Аннотация**

В статье Троицкий сборник XII – XIII вв. (РГБ, Тр. 12) рассматривается в русле нового направления в исторической русистике, каковым является лингвистическое источниковедение. Оно предполагает совокупную, разностороннюю характеристику ранних рукописных источников. В статье представлено общее историко-лингвистическое описание данной весьма ценной рукописи: анализируются палеографические, графико-орфографические, фонетические, лексические и грамматические данные, при этом акцент сделан на собственно древнерусских языковых чертах. Полученные в ходе исследования выводы доказывают, что Троицкий сборник принадлежит к числу древнерусских рукописей, созданных на рубеже XII – XIII вв. на территории Ростова Великого.

Ключевые слова: комплексный подход, Троицкий сборник, графика, орфография, общеславянские рефлексy, лексика, морфология, синтаксис, древнерусские черты.

Одним из важнейших направлений в современной исторической русистике является комплексный подход к изучению древнего рукописного наследия. Основы данного подхода были заложены в середине XIX в. И.И. Срезневским, который полагал, что «каждый изъ древнихъ памятниковъ языка долженъ быть разобрать отдѣльно въ отношеніи лексикальномъ, грамматическомъ и историко-литературномъ» [1, с. 98]. Таким образом, комплексное исследование памятника письменности предполагает описание и анализ графики, орфографии, фонетики, лексики и словообразования, морфологии и синтаксиса, а также учёт палеографии и художественного оформления. Подобный подход позволяет включить рукопись в более точный историко-лингвистический контекст.

Троицкий сборник XII – XIII вв. представляет собой корпус текстов различных жанров учительной литературы. Большую часть рукописи занимает такой проповеднический жанр, как слово, в том числе в составе Пролога Антиоха (л. 64, 12–157 об.). Кроме него, в Троицком сборнике представлен жанр поучения и такие жанровые разновидности, как заповедание, повесть, откровение, сказание, разумь, «разуми полезныя», «душеполезныя учения», вопросы и ответы, написание, вопрошание, состоящее из собственно вопросов и ответов.

Новизна работы заключается в том, что Троицкий сборник XII – XIII вв. впервые становится самостоятельным объектом лингвистического изучения, и его палеографические и собственно языковые данные рассматриваются системно.

Цель настоящего исследования состоит в проведении анализа языковых особенностей Троицкого сборника XII – XIII вв. для проверки существующей гипотезы о ростовском происхождении данной рукописи и принадлежности её к числу старших памятников древнерусского языка.

Материалом исследования является рукопись Троицкого сборника XII – XIII вв., цифровые снимки которой представлены на сайте Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, так как единственное полное издание данного памятника не передаёт ряда его графико-орфографических особенностей (в частности, не отражены аллографы графемы «он узкое», в том числе в составе диграфа «ук»).

Троицкий сборник XII – XIII вв. написан в один столбец с двух сторон пергаменного листа. На всём протяжении рукописи наблюдается колебание в количестве строк на листе от 20 до 24 (без учёта заголовков и «воронок» на листе): л. 1 (текст сильно повреждён) – 22 строки; л. 1 об. – 13 об. – 24; 14–36 об. – 23; 37–39 об. – 22; 40–41 об. – 21; 42–44 об. – 22; 45–52 об. – 24; 53–54 – 22; 55–64 – 23 (до Пролога Антиоха); 64, 12 (от Пролога Антиоха) – 162 об. – 23; 163–169 – 20; 169 об. – 21; 170–192 об. – 23; 193–202 об. – 24.

Рукопись написана чернилами уставом, облик которого характерен для рукописей XII – начала XIII в. Состав основных графем Троицкого сборника в основном соответствует графемному составу памятников XII – XIII вв.: а, б, в, г, д, е, ж, ѕ|з, з, і|ї, н, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, ф, х, ѡ, ѱ, ц, ч, ш, ѷ, ѹ, Ѽ, ю, ѻ, Ѽ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ. Большое количество вариативных начерков графемы «ферт» и аллографов графемы «он» говорит в пользу XIII в., начерки графем а, б, д, е, з, н, м, н, ѡ, ѷ, а, ѹ, Ѽ, ѿ соответствуют данным палеографических таблиц XII в. Использование архаичных для памятников рубежа XII – XIII вв. графем ѿ, ѿ и ѿ можно объяснить влиянием антиграфа или протографа, эстетическими предпочтениями писца и жанровой спецификой сборника. В рукописи имеются вкрапления уставного письма более позднего периода – скорее всего, не ранее XIV в. Появление подобных поздних начерков связано с тем, что письмо Троицкого сборника неоднократно поновлялось. Примеры грубого вмешательства в графику и орфографию рукописи ярко представлены на л. 126 об. – 127. В результате правки на месте графемы Ѽ в положении начала слога появилась графема «есть якорное», употребление которой не характерно для письма оригинала (тѡѡго на месте тѡѡго 126 об., 1; нарнцѡѡтѡѡ на месте нарнцѡѡтѡѡ 126 об., 4; сѡѡго на месте сѡѡго 126 об., 23), а на месте т появилось «т триножное» (тн 126 об., 1; постѡѡпѡѡ 127, 23).

В целом характер уставного письма Троицкого сборника неоднороден на протяжении всей рукописи, что, с одной стороны, свидетельствует об индивидуальных особенностях почерков писцов, создававших Троицкий сборник, а с другой – о наличии большого количества правок позднейшего периода. Буквы могут быть крупными, аккуратно и чётко выписанными, а могут быть мелкими с минимальными пробелами между ними, могут быть написаны практически без наклона, а могут иметь значительный наклон как к началу строки, так и к её концу (см. л. 170, 9 – 185, 14; 197–202 об.).

По замечанию Л.В. Черепнина, «вторая половина XII – XIII в. ... является переходным этапом в истории русской графики (устава). Буквенные начертания

теряют свой симметричный характер, появляется значительное количество вариантов различных букв» [2, с. 240]. Данное наблюдение подтверждается материалом исследуемой рукописи.

В Троицком сборнике нашло отражение большое количество аллографов графем (монографов $\dot{\text{и}}$ - $\dot{\text{и}}$; o - o - O - O ; ω - ω ; т - T ; х - Х ; у - У , диграфов oу - oу - Oу - Oу - $\dot{\text{у}}$; хи - Хи - Хи) и сочетаний самостоятельных графем, как частотных не только в самой рукописи, но и для памятников древнерусской письменности ($\omega\text{т}$ - Т ; oт - oт ; тк - Т ; тр - Т ; тн - Н ; тл - Т), так и уникальных, окказиональных (ил - ли (юс малый йотированный оборотный)) или редких (ни - ни , ни - ни ¹). Аллограф и оборотный в Троицком сборнике выступает в положении позиционного дублета для графемы л , которая последовательно употребляется после согласного в слове **О ПОСТѢ** (л. 67 об. – 68 об.).

В употреблении дублетов и аллографов наблюдается тенденция к дистрибуции, степень выдержанности которой различна. Так, $\dot{\text{и}}$ / и , Х , Хи , У , как правило, употребляются в абсолютном конце строки, T – в положении 1–2 знака до конца строки, а ω , аллографы графемы «он» и диграфа «ук» – в начале строки, синтагмы, слога, а также в конце строки (например, Oу|книстко 23, 14–15). Наиболее последовательно отмеченная тенденция реализуется в употреблении графемы ω , аллографов графемы o , в том числе в составе диграфа «ук», и аллографов графем х и хи , при употреблении которых зафиксировано всего несколько исключений: графема «от» после согласного – $\text{м}\omega\text{т}\omega\text{кн}$ 46 об., 22; o широкое после согласного – $\text{пр}\text{Oтнк}$ 63, 10; диграф «ук» с o очным широким после согласного – $\text{O}| \text{COYдвкx}$ 94, 13–14; $\text{COY}|щe$ 100, 20–21; аллограф хи не в конце строки – кxздыжкмx роукХи 21, 13; Щпзстн грѣхХи . ткмл же 24 об., 7; кx поустХиню ² 49, 11; **УетХире** нрлн соута 194, 24; аллограф х не в абсолютном конце строки – тХгдл 112, 2; ѡклежнмн нсмХ 115 об., 4; **сХ** токю 153, 2 и др.

Появление большинства аллографов графемы ь в позиции не конца строки связано с исправлениями в тексте, среди которых особое значение приобретают аллографы, полученные путём исправления графемы «о узкое» в ь (остаклл **петрѣ** ме|режю 16 об., 1–2; по|кнатн сконх **грѣхѣ** 38, 4; **калогерѣ** оставнѣ 49 об., 24; **покрѣвнѣ** $\text{к\text{л}детѣ}$ 61, 14–15; $\text{к\text{т}рѣмл}$ 76 об., 13; множастко **грѣхѣ** мо|нх 88 об., 4–5; $\text{сна х\text{о}ужаша сткорнтѣ}$ **к\text{с}ѣхѣ** $\text{ѹл\text{к}кѣ}$ 112, 1; по ѡшасткнн **нскоушающнхѣ** $\text{пнд\text{o}угѣ}$ 129, 1–2; **можемѣ** $\text{тл испок\text{к}дл\text{тн}}$ 200, 9), так как они могут свидетельствовать о реальном произношении писцов. Большое количество аллографов приводит к графико-орфографической вариативности, которая свидетельствует о том, что выделившаяся тенденция ещё не доведена до совершенства.

Из всех начерков заглавных букв особое внимание привлекает манера изображения заглавной буквы **В** с петлёй на вертикальной мачте на л. 14, 20; 19, 11; 19 об., 12 и 13; 21, 10; 175 об., 4. Аналогичные начертания заглавной буквы **В**

¹ Лигатура из трёх графем.

² Ъ исправлен из о.

встречаются в памятниках ростовского происхождения конца XII – начала XIII в.: в Церковном Уставе с кондакарем начала XIII в., датированном И.И. Срезневским XII в., а также в Троицком кондакаре (РГБ. Ф. 304, I, № 23, л. 39).

Кроме основных графем в Троицком сборнике используются вспомогательные графемы или диакритики – строчные (знаки синтагмораздела и знак конца фразы или абзаца) и надстрочные знаки (простое и буквенные титла, кендемы (точка, две точки, два штриха)). Анализ расположения синтагмораздела и характера начерка простого титла позволяет разделить всю рукопись по манере оформления на две части: часть I – до л. 64, 16; часть II – л. 64, 17 – 202 об. До л. 64, 16 синтагмораздел примыкает к предыдущей синтагме, с л. 64, 17 синтагмораздел находится между синтагмами; исключение составляют л. 170, 9 – 185, 14, написанные особенно небрежным и беглым почерком, на которых данный строчный знак употребляется безразлично относительно синтагм: между ними или с примыканием к предыдущей или последующей. В части I простое титло представляет собой прямую (иногда с асимметрично загнутыми концами) с точкой или штрихом посередине, титло «скобочка» ставится редко (в основном над буквоцифрой), тогда как в части II в некоторых почерках употребляется только титло-скобка.

Для всей рукописи характерна такая графико-орфографическая черта, как завершение строки согласным. Однако данная тенденция наиболее полно реализовалась в первой части сборника. Все случаи завершения строки согласным в Троицком сборнике XII – XIII вв. можно разделить на три группы:

1) завершение слова с редукцией конечного гласного (завершение строки совпадает с завершением слова: $\overline{сх}$ $\overline{т\text{р}оудом}$ 3, 8; $\overline{сх\text{т}к\text{орн}х}$ 10, 5; $\overline{сладжк}$ 11, 9; $\overline{коудощннм}$ 11 об., 17; $\overline{к\text{с}ак\text{к}}$ $\overline{ч\text{л}к}$ 11 об., 18; $\overline{к\text{т}с\text{о}к\text{д}с\text{к}ж\text{х}}$ 25 об., 8; $\overline{моужа}$ $\overline{к\text{н}с\text{л}щ}$ 31 об., 17; $\overline{прнз\text{л}к\text{ак}м}$ 39 об., 21; до конца 52, 5; $\overline{к\text{л}г\text{жн}х}$ 59 об., 4; $\overline{сп\text{с}оу}$ $\overline{тс}$ $\overline{х\text{о}у}$ 71 об., 15–16; $\overline{н\text{з}}$ $\overline{н\text{к}л\text{енн}ем\text{л}}$ $\overline{тс}$ $\overline{х\text{л}}$ 144 об., 10–11 и др.);

2) завершение абзаца с редукцией конечного гласного (завершение строки совпадает с завершением не только слова, но и абзаца: $\overline{х\text{т}с}$ 50 об., 23 (ср. $\overline{х\text{т}с}$ 51, 1); $\overline{нар\text{е}у\text{т}с}$ 51, 5 (ср. $\overline{нар\text{е}у\text{т}д}$ 51, 16); $\overline{к\text{з}}$ $\overline{ск\text{т}м}$ 52 об., 13 и др.);

3) завершение строки (завершение строки не совпадает с завершением слова: $\overline{д\text{ш}ю}$ 6, 1–2; $\overline{ц\text{р}к\text{кн}}$ 6 об., 10; не $\overline{пору\text{г}ан\text{л}ж}$ $\overline{к\text{ж}каше}$ 8, 21–22; $\overline{с\text{ж}м}$ $\overline{д\text{р}т\text{ан}л}$ 8 об., 19; $\overline{п\text{с}т\text{л}}$ 28, 19–20; $\overline{д\text{ж}л\text{ж}но}$ 28 об., 11–12; $\overline{е\text{у}ан\text{г}л\text{н}с}$ 36 об., 3–4; $\overline{ц\text{р}к\text{кн}}$ 40, 21–40 об., 1; $\overline{мног\text{ш}д\text{ж}}$ 42 об., 8–9; $\overline{пр\text{ед}д}$ $\overline{ц\text{р}к\text{к}д\text{ю}}$ 43 об., 12–13; $\overline{к\text{з}}$ $\overline{с\text{р}д\text{цн}}$ 74 об., 10–11 и др.).

Наиболее важными являются примеры в третьей группе, отражающие разные способы переноса слова со строки на строку. При этом особый интерес представляют случаи построчного переноса, осуществляющегося не по слогам: например, $\overline{н\text{л}с\text{ж}т\text{н}т\text{н}с\text{л}}$ 5, 21–22; $\overline{о\text{у}к\text{р}л\text{аш}а\text{н}т\text{ь}с\text{л}}$ 11, 22–23; на $\overline{з\text{ем}л\text{н}}$ 37 об., 17–18; $\overline{к\text{л}ог\text{е}р\text{о}у}$ 50, 11–12. Подобные написания нередки в Житии Нифонта 1222 г. – датированном памятнике ростовского происхождения (территория Владимиро-Суздальского княжества).

Орфография рукописи соответствует правописной норме XII – XIII вв., противопоставленной норме XI в. (эпоха первого южнославянского влияния) и норме

XIV в. (эпоха второго южнославянского влияния), что выражается в последовательной передаче праформ общеславянских рефлексов *dj, *tʲrt, *tʲlt, *tʲrt, общеславянских рефлексов *vj, *bj, *rj, *mj, праславянских рефлексов с начальными *a, *ju в восточнославянских огласовках. Так, на месте рефлекса *dj употребляется графема ж (исключения: оуѣрѣжда 101 об., 2–3; рожденнѣ 107 об., 22 (накоже бѣсолокѣи · рожденнѣ ко се сѣи блѣтн)); рефлексы сочетаний типа *tʲrt, *tʲrt, *tʲlt пишутся с редуцированным перед плавным (исключения: нсплѣнн 41, 12; црѣкѣнн 134 об., 10 и др.); начальным *a и *ju соответствуют начальные ѧ и оу (исключение юнѣнн 108, 16 (ср. сѣ оунотю 111, 9)); *vj, *bj, *rj, *mj дают сочетания кѧ, бѧ, пл, мл (исключения: оумѣрѣннѣ 41 об., 19; оумѣрѣннѣхъ 75 об., 8; оумѣрѣннѣ 126 об., 14). В реализации губных с <j> обращает на себя внимание сочетание фѧ, восходящее к рефлексу *fj, в словоформе нѣснѣ 151, 8. Наличие данного сочетания является свидетельством того, что фонологическая система древнерусского языка конца XII – начала XIII в. уже была подготовлена к появлению собственно древнерусской оппозиции по звонкости/глухости <v>/<f>.

Кроме того, для праформ рефлексов типа *tʲrt, *tʲlt, *tʲrt отмечена собственно древнерусская реализация в виде так называемого второго полногласия (например, *tʲrt: нѣ гѣрѣдѣ · 56, 11; кѣрѣмлю 175 об., 9; *tʲlt: вѣзмѣлѣннѣ 41 об., 2; кѣ плѣцѣ 49, 3–4; окѣлѣннѣ 200, 3 (в данной форме начальный в корня выпал в силу фонетических причин); *tʲrt: а) сѣ дѣрѣлнѣннѣ · 2; оумѣрѣннѣ 41 об., 19; нѣсѣдѣрѣлнѣннѣ 45 об., 3–4; окѣдѣрѣлнѣннѣ нѣстѣ · 60, 8–9; О вѣдѣрѣлнѣннѣ 65 об., 11 (ср. вѣдѣрѣлнѣннѣ 65 об., 12); чѣрѣлнѣннѣ 76 об., 15–16; плѣстѣ 199; б) ѣкѣрѣлѣ 9 об., 20; нѣ нсполоу ко мѣрѣтѣ · нѣ ксѣго мл оумѣрѣннѣ 198, 10). Сочетание -ьрь- получает развитие перед твёрдыми переднеязычными согласными, что является ярким свидетельством «фонетической значимости двуеро-вых написаний» [3, с. 188].

В реализации праформ общеславянских рефлексов типа *tort, *tert, *tolt, *telt, *olt, *ort, *tj, *kti, *gti, *zdj, *sk и *zg перед гласными переднего ряда, праславянского рефлекса с начальным *je писцы Троицкого сборника демонстрируют приверженность старославянской традиции, но тем ценнее оказываются редкие примеры реализации восточнославянских огласовок данных рефлексов (например, *tolt: кѣ паклоцѣ 11 об., 15; *ort: на роуоумнѣ 41, 14; *tj: трѣпѣюще 47 об., 22; нѣ кѣстрѣпѣюще 59, 8; *gti: нѣ вѣрѣлнѣ 192 об., 19–20; *je: кѣгда прозѣрннѣ одѣ · 13 об., 2 (ср. едѣ спѣсѣтѣ · 88, 17)).

В Троицком сборнике XII – XIII вв., несмотря на его церковно-книжный характер, представлена лексика, имеющая непосредственное отношение к реалиям древнерусского общества: особенностям административно-политического устройства (нако колѣрннѣ кѣлѣмѣ лн посадѣннѣ · 15 об., 17–18), верованиям восточных славян – языческим (наименования богов, в том числе главных представителей восточнославянского пантеона: та оутрнѣ трѣлнѣ хѣрѣлѣ кѣлѣса пероуна · 30, 5–6) и народно-христианским (Н по сѣшѣтѣннѣ стѣго дѣлѣ · рѣкше по роуѣлннѣхъ · 58 об., 19–20). Однако если слова колѣрннѣ и трѣлннѣ отмечены ещё

в старославянских памятниках (см. [4]), то другие лексемы являются принадлежностью древнерусского языка и отражением собственно древнерусских традиций.

В морфологии имени наиболее ярко восточнославянские языковые черты в исследуемой рукописи проявили местоимения: личное **тѣи** и возвратное **себе** (например, ДП: **се же тобѣ** | **вѣкаютъ судѣи шклящющана** 153, 14–15; **гладѣти къ себѣ** 166, 13–14; МП: **нмѣнъ хъ къ себѣ** 144 об., 5–6).

В Троицком сборнике нашла отражение вся разветвлённая система глагольных времён. Наиболее употребительными являются формы аориста и имперфекта. Имперфект представлен тремя суффиксальными типами: нестяжёнными старославянскими (**нмѣнъше** 32 об., 16–17; **не вѣкахоу** 128 об., 21 и др.), русифицированными нестяжёнными формами с **ш** вместо **ѣ** (**вѣкахоу** 42 об., 2; **нмаше** 42 об., 3 и др.) и стяжёнными (**нѣлождраца сѣ нмаше** **дщера ѣднородноу н та вѣше** **нѣма** 39 об., 6–7; **ѣдаше** **беса солн** 40 об., 4 и др.). Меньше всего задействованы формы плюсквамперфекта (**навѣкиахъ вѣкахоу** **присно протнктнса** | 84 об., 18–19) и второго будущего времени (**всудеть събраша** | 70 об.).

Особого внимания в рукописи заслуживают следующие случаи древнерусских (восточнославянских) инноваций в области глагола:

1) формы имперфекта с наращением **-ть** в 3 лице мн. ч. (например, **не можахътѣ рещи** 34, 14–15);

2) формы безэлевого перфекта (**тѣи во вѣко не соушѣи нѣ сътворнахъ ѣси н сътворѣ оумножнахъ ѣси н покрѣи ѣси** **отъ зѣла н кѣмъ покорнахъ ѣси** 200, 10–12);

3) форма на **-шь** в настоящем времени во 2 лице ед. ч. при доминирующих исконных формах на **-ши** (**не створиши нхъ нѣ вѣжнша ѿ ннхъ** 105, 1).

Рукописи церковно-книжного содержания могут демонстрировать ряд синтаксических явлений, «вообще не фиксировавшихся в восточнославянском ареале либо известных исключительно из древнерусской деловой и бытовой письменности» [5, с. 21]. Так, самым ярким примером древнерусской инновации в области синтаксиса в Троицком сборнике является употребление союза **дати** с целевым значением: **тѣгда гноушашеа вѣдрѣтѣи на роуцѣ его то нѣнѣ ли молншисѣ то дадѣти нѣзѣка тѣкогѣ коснетѣ прѣстѣмѣ** 5 об., 2–4 («тогда гнушался посмотреть на руки его, то сейчас не ты ли просишь/умоляешь, чтобы он коснулся перстом твоего языка»).

В целом для всех рассмотренных пластов рукописи характерна вариативность. Однако соотношение доминирующих и архаичных, окказиональных или инновационных конкурирующих тенденций на различных языковых уровнях не одинаково. Наличие архаичных для рубежа XII – XIII вв. графем **ѣ**, **ѡ**, **ѣ**, спорадически представленных старославянских реализаций праформ общеславянских рефлексов типа ***tʏrt**, ***tʏrt** и общеславянского рефлекса ***vj**, морфологических архаизмов вроде старославянских нестяжённых имперфективных форм, окончаний членных прилагательных и причастий может быть следствием не столько влияния протографа или антиграфов, сколько сознательным стремлением архаизировать текст, придав ему тем самым большую значимость и весомость. Наличие собственно древнерусских языковых черт на фонетико-орфографическом,

лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях также во многом обусловлено прагматикой жанровой специфики Троицкого сборника: слово – жанр проповеднической, учительной литературы, направленный на борьбу с язычеством и поэтому адресованный, с одной стороны, к «простой чади», а с другой – к искушенному слушателю, знатоку книжной речи и риторики» [6, с. 32]. Именно двунаправленная прагматика сборника способствовала как сохранению архаичных старославянских языковых элементов, так и внедрению новых не только восточнославянских (общих для церковнославянского и древнерусского языка), но и собственно древнерусских языковых черт.

Таким образом, проанализированный палеографический и лингвистический материал рукописи Троицкого сборника XII – XIII вв. позволяет утверждать, что это древнерусский памятник, который был создан скорее в конце XII в., нежели в начале XIII в., на территории Владимиро-Суздальского княжества в писцовой школе Ростова Великого.

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ (ГК № 02.740.11.0595).

Summary

O.S. Paimina. The Trinity Miscellany of the 12th–13th Centuries as a Linguistic Source.

In this article, the Trinity Miscellany (Troitskii Sbornik) of the 12th–13th centuries (RGB, Tr. 12) is considered within such a new field of historical Russian philology as a linguistic source study, which presupposes integrated and many-sided investigation of old manuscript sources. A general historical and linguistic description of the manuscript is presented; its palaeographic, graphic and orthographic, phonetic, lexical, and grammatical characteristics are analysed, taking particular account of the Old Russian linguistic features proper. The results of this research prove that the Trinity Miscellany is one of the Old Russian manuscripts written in the late 12th – early 13th century in Rostov Veliky.

Key words: integrated approach, Trinity Miscellany (Troitskii Sbornik), graphics, spelling, Common Slavic reflexes, vocabulary, morphology, syntax, Old Russian features.

Источники

Тр. 12 – Троицкий сборник XII – XIII вв. (РГБ, ф. 304.I, №12). – URL: <http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?manuscript=12&col=>, свободный.

Литература

1. *Срезневский И.И.* Мысли объ истории русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. – СПб., 1887. – 164 с.
2. *Черепнин Л.В.* Русская палеография. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. – 616 с.
3. *Марков В.М.* К истории редуцированных гласных в русском языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. – 280 с.
4. Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков): Ок. 10000 слов / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – М.: Рус. яз., 1994. – 842 с.
5. *Крысько В.Б.* Очерки по истории русского языка. – М.: Гнозис, 2007. – 423 с.

6. *Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. – 296 с.

Поступила в редакцию
15.09.11

Паймина Ольга Сергеевна – аспирант кафедры истории русского языка и языкознания Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: *opaiminatau85@mail.ru*